

ХРОНИКА

За преодоление влияния «теорий» Марра в археологии

(Заседания Ученого совета ИИМК в декабре 1950 г.)

28—30 декабря 1950 г. Ученый совет ИИМК АН СССР обсуждал проблемы археологической науки в свете гениальных трудов товарища Сталина по языкознанию.

А. Д. Удадьцов, открывая заседание, отметил всемирно-историческое значение произведений товарища Сталина, указал на необходимость изжития ошибок, допущенных под пагубным влиянием положений Марра, и наметил некоторые важнейшие проблемы, встающие перед советскими археологами: проблему взаимоотношений между базисом и надстройкой применительно к отдельным этапам развития человеческих обществ; проблему конкретного пути сложения племен на базе родов, а затем народностей на базе племен, разрешение проблемы этногенеза в тесной связи с лингвистами, историками и этнографами, изучение происхождения родства языков и т. д.

С докладом «Вопросы первобытной археологии в свете трудов И. В. Сталина о языкознании» выступил С. В. Киселев. Докладчик отметил, что товарищ Сталин обогатил науку новыми положениями, имеющими огромное значение для всех общественных дисциплин. Для советских историков древности, археологов, этнографов и языковедов, имеющих прежде всего дело с первобытно-общинным строем и раннеклассовыми обществами, исключительное значение имеют выводы И. В. Сталина о ходе развития языков «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным».

Благодаря глубокой разработке И. В. Сталиным важнейших проблем социально-экономического, историко-культурного, этнического и языкового развития открываются широчайшие пути для конкретного исследования древних родов, племен и народностей. В этой области советскими учеными была проделана большая работа. Однако здесь сказалось вредное влияние учения Марра. Отвлеченные «стадии», «палеонтологический анализ» и т. п. уводили доверчивых исследователей от конкретного исследования исторического развития в область антинаучной фантастики.

Для правильного понимания исторического развития крайне важно решение вопроса о сложении народностей. И. В. Сталин ясно показал место народностей в историческом процессе. Дело историков, археологов, этнографов и языковедов показать путь сложения народностей и особенности их развития, изучить существовавшие древние общности людей — народности, племена и роды. Изучение этих общностей людей не следует подменять историей империй, которые возникли в эпоху рабства и в средние века, так как они, по определению товарища Сталина, «представляли временные и непрочные военно-административные объединения» и «не имели своей экономической базы». Приведенные положения далеко не исчерпывают всех творческих мыслей, которыми И. В. Сталин в своих работах обогатил марксистско-ленинскую науку.

Советская археология с самого начала своего развития слагалась как наука историческая. Вместе со всеми историками, опираясь на гениальные труды классиков марксизма, на постановления ЦК нашей партии, советские археологи преодолевали влияния «школы» Покровского, схоластики и схематизма. В 1939 г. ИИМК составил макет первых двух томов «Истории СССР», освещавших древнейшие периоды истории нашей Родины на основании археологических и письменных источников. Это издание продемонстрировало большие достижения советской археологии и вместе с тем обнаружило и ее слабые стороны. Одним из недостатков этого труда было влияние, оказанное на авторский коллектив порочными теориями Марра и, прежде всего, теорией «стадиальности». Этим объясняется антиисторическое объединение в один раздел о неолите различных по уровню культуры от раннеолитических до энеолитических «трипольских» и др. Из-за этого целая эпоха истории СССР была изображена в статичном состоянии. Этим же объясняется путаница, внесенная последователями Марра в вопрос о готах, понимание процесса происхождения древних и современных народов СССР как бесконечной вереницы скачкообразных превращений.

Авторы первых двух томов «Истории СССР» допустили эти ошибки, так как вулгаризатора Марра ставили в один ряд с классиками марксизма-ленинизма. Эта глубоко порочная точка зрения получила крайнее выражение в двухтомной «Истории первобытного общества» В. П. Равдоникаса, все основные положения которой, наряду с космополитизмом и преклонением перед иностранщиной, построены на порочных марровских «теориях», выдаваемых автором за марксизм.

В последние годы пропаганда «марризма» даже усилилась. В 1948 и 1949 гг. вышли два издания апологетической книжки В. А. Миханковой «Н. Я. Марр», причем последнее издание в особенно сильной степени пропагандировало все наиболее порочные стороны «учения» Н. Я. Марра. В том же 1949 г. последователи Н. Я. Марра воспользовались для пропаганды его порочных идей пленумом ИИМК, состоявшимся в Ленинграде по случаю 30-летия Института. Пленум был превращен в апофеоз Марра. Докладчик А. П. Окладников объявил Марра основоположником советской археологии и призывал археологов нести имя Марра как «символ своего единства, как боевую программу» (!?). Апологетические статьи о Марре были помещены в журналах «Вопросы истории» (редактор П. Н. Третьяков) и «Вестнике древней истории» (редактор С. В. Киселев). В работах некоторых историков и археологов, в особенности занимавшихся вопросами происхождения народов, отразились антинаучные взгляды Н. Я. Марра (в работах М. И. Артамонова, В. В. Мавродина, Б. Б. Пиотровского, С. П. Толстова, Н. С. Державина и др.).

Затем докладчик подробно разобрал недостатки своей монографии «Древняя история Южной Сибири», связанные с некритическим использованием отдельных положений Марра, а также указал на большее или меньшее влияние порочных взглядов Марра в монографиях А. П. Окладникова и Т. С. Пассек; докладчик резко критиковал взгляды А. Н. Бернштама, призывавшего в самое последнее время к сохранению «наследия» Марра.

Основная задача советских археологов состоит в усилении теоретической работы, в борьбе против чуждого влияния на нашу науку, в частности, против тех, кто, подобно А. Н. Бернштаму, призывает выждать, чтобы затем вновь приняться за пропаганду «марризма».

Нужно также вести решительную борьбу с версией о том, что якобы Марр являлся выдающимся археологом. Эта версия нашла свое отражение в докладе А. П. Окладникова и в прениях по его докладу, развернувшихся на Ученом совете ЛОИИМК в ноябре 1950 г. Проанализировав руководимые Марром раскопки, С. В. Киселев убедительно показал, что Марр не мог быть и не был создателем советской археологии, не был он также ни ее теоретиком, ни археологом-практиком, обладающим необходимыми знаниями и методологической подготовкой. Марр в археологии был дилетантом, а археология была ему нужна только в качестве подпорки его лингвистических «теорий». Под видом марксизма в археологии Марр протаскивал все то же

свое учение о языке, а по отношению к лицам, не разделявшим его точку зрения, применяя арацкеевские методы, снимал их с работы и т. д.

Археологи должны до конца преодолеть свои заблуждения, связанные с порочными положениями Марра, и приняться за разработку творческих проблем советской археологии в свете гениальных произведений товарища Сталина. Перед археологами-первобытниками встает увлекательная задача — вместо искусственного конструирования безликих стадий и субстратов, как это делал Марр и его последователи вроде В. И. Равдоникаса, направить все усилия на создание конкретной истории родов, племен и народностей, подлинной гражданской древней истории нашей Родины. Для этого необходимо исследовать археологические источники в свете марксистско-ленинской теории, в свете гениальных работ товарища Сталина, используя достижения историков, этнографов, антропологов и лингвистов. Необходимо дать четкие определения реальных древних обществ, подвергнув их всестороннему изучению с тем, чтобы выявить основные направления общественного развития. Необходимо выяснить место определенных исторических обществ в сравнении с предшествующим и последующим развитием. Именно на этом этапе исследования должны быть выделены племена и роды, которые будут становиться ведущими в процессе дальнейшего этногенеза, языки которых будут побеждать. Изучение основных сторон исторического процесса должно сочетаться с выяснением межплеменных и межродовых связей, военных столкновений, изменений территорий, передвижений, культурных связей, воздействий и заимствований. Мы должны с удвоенной энергией приняться за творческий труд и ответить новыми, теоретически-отточенными исследованиями на то внимание и помощь, которые нам оказывают наша партия и наш вождь и учитель товарищ Сталин.

И. Н. Третьяков в докладе «Некоторые вопросы происхождения народов в свете работ товарища Сталина» подверг критике свои ошибки, сделанные под влиянием порочных положений Марра. Он указал на ошибочные позиции некоторых товарищей, неверно понявших высказывания И. В. Сталина, как призыв идти не вперед, а назад, к Шахматову и т. д. И. Н. Третьяков отметил неправильность этой тенденции и указал, что, несмотря на ошибки, допущенные под влиянием вульгаризаторских теорий Марра, основное направление в исследовании происхождения народов было правильным, марксистским и далеко ушло вперед от буржуазной науки. В отличие от Шахматова и других буржуазных ученых, признающих прародину, праязык и пранарод, мы исходили из принципа, что каждый народ, каждая нация восходит не к единому, а к нескольким предкам, что количество этнических единиц, племен и народов в ходе истории не увеличивается, а наоборот, уменьшается. Эта точка зрения является правильной и соответствует марксистско-ленинской теории.

Ошибка последователей Марра, к числу которых докладчик отнес и себя, заключалась в том, что они, исходя из марровской теории стадийности, полагали, что на определенной стадии развития в результате скрещения племен-предков получается качественно новое этническое образование, что славяне, например, являются новым образованием, возникшим на определенной стадии развития в результате скрещения венедов и лугшев, невров и скифов, фракийцев и иллирийцев и других близкие не известных племен. Товарищ Сталин показал полную несостоятельность марровской теории стадийности и теории скрещений. Нашей задачей является выяснение роли каждого из предков в этногенетическом процессе, определение главного предка или главных предков — носителей языка будущего народа. Полное разрешение этой проблемы достижимо лишь совместными усилиями археологов, лингвистов и представителей других смежных дисциплин, но именно археологи могут воссоздать конкретную историческую картину далекого прошлого применительно, например, к первому и, в особенности, ко второму и третьему тысячелетиям до нашей эры. Применительно к этим эпохам только археологи могут определить состав племен в тот или иной период и указать, какие из них были носителями языка будущей более крупной этногенетической единицы.

Марр и его последователи не понимали разницы между языком и культурой,

что послужило одним из источников тех ошибок, которые допустили археологи в вопросах этногенеза. Товарищ Сталин показал, что «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую».

В связи с этим докладчик остановился на двух вопросах, связанных с этногенезом. Первый вопрос относится к развитию культуры. Культура относится к надстроечным явлениям и часто меняется путем не эволюции, а скачка. Следует иметь в виду, что археологи в термин «археологическая культура» вкладывают не только то, что относится к надстройке, но и то, что относится к базису и непосредственно к производству, в первую очередь орудия труда. Элементы надстроечного порядка — орнаментация, керамика, украшения, погребальная обрядность — нередко преобладают в работах археологов над тем, что непосредственно отражает производство. Скачкообразное развитие культуры прослеживается, например, на переходе у славян Верхнего Поднепровья от романской культуры в X—XI вв. к культуре «великокняжеской». Новый период истории общества принес с собой новую культуру.

В послевоенных работах по этногенезу одинаково учитывается как внутреннее развитие культуры путем скачка, так и изменение ее вследствие передвижений племен и народов и влияния их друг на друга. В этом вопросе мы шли и идем по правильному пути. К сожалению, в последнее время возникла вредная тенденция совершенно отрицать сдвиги в развитии культуры, а признание этих резких сдвигов, меняющих облик культуры, объявлять марризмом. Тот, кто так думает, тот сам повторяет ошибку Марра, так как он не видит разницы между развитием языка, который изменяется постепенно, и развитием культуры, которая меняется с каждым этапом жизни общества. Вторая ошибка, обусловленная смешиванием языка и культуры, заключается в стремлении отождествить глоттогенез и этногенез, в то время как эти понятия, хоть и тесно связаны между собой, все же не являются тождественными, как это считал Марр. Происхождение народов нельзя сводить к возникновению языка. Полная картина этногенеза может быть дана не одними лингвистами, а лишь их совместными усилиями с историками и археологами. Так, например, тот факт, что французская нация сложилась из галлов, бритов, римлян и т. д., известен из истории и археологии, но не из лингвистики.

В эпоху разложения первобытно-общинного строя и раннеклассового общества этногенетический процесс протекал различно. Он состоял в формировании народностей, которые сложились из различных родов и племен. Основой этого процесса являлась ассимиляция. Иначе обстояло дело на заре этнических образований — в каменном и бронзовом веках, когда союзы племен, войны, порабощение одних племен другими, т. е. все то, что составляло реальную основу процессов ассимиляции, было несравненно слабее развито. Для этого периода решающую роль в этногенезе играло увеличение племен за счет их естественного роста — процесс отпочкования, создание близких этнически племен за счет многотысячелетнего контактного развития первоначально различных племен (как считал Бубрих) и лишь в последнюю очередь — ассимиляция.

Важнейшей проблемой является проблема происхождения славян. Сам докладчик, М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов и другие в своих работах исходили из марровского положения о том, что славяне возникли на определенной стадии из ряда более древних племен. Теперь очевидно, что в скифскую эпоху творцы и носители славянских этнических качеств (в первую очередь, языка) уже должны были существовать среди других предков, не являвшихся славянами, но ставших ими впоследствии в ходе дальнейшего этнического процесса.

Основными предками славян следует признать носителей лужицкой культуры, однако имеются достаточно веские данные, чтобы признать, что в первом тысячелетии до нашей эры славяне жили не только на Висле и Одере, но и на значительной территории между Днестром и Днепром. Материалы эпохи поздней бронзы и доскифских городищ, выявленные на правом берегу Днепра, свидетельствуют о том, что

междуречье Днепра и Днестра составляло одно целое с Центральной Европой, причем племена, жившие там, были более передовыми в экономическом и политическом отношениях. Не правы поэтому польские археологи, считавшие, что лужицкие племена распространяются в область междуречья Днепра и Днестра, так как в этом случае мы должны были бы признать, что влияли на своих соседей и теснили их не передовые племена, а более отсталые.

Важнейшей задачей является изучение предков славянских племен, выявление их числа, состава, территории и взаимоотношений с другими племенами. Во втором и третьем тысячелетии до нашей эры предками лужицких и других древнеславянских племен являются, видимо, племена «шнуровой керамики». Сейчас мы можем сказать лишь, что древние предки собственно славян, наряду с предками германцев, литовцев и др., теряются среди племен «шнуровой керамики». Необходимо выявить те племенные группы, которые заложили основы славянского языка. Важен также вопрос о происхождении племен «шнуровой керамики» и об их связях с более древним населением. Трипольцев следует исключить из числа основных предков славян, так как племена «шнуровой керамики» — предки славян — не происходили от трипольцев; они сложились на основе более северного неолитического населения. Трипольцы, судя по материалам книги Т. С. Пассек и вопреки ее выводам, должны быть связаны с более южными, чем славяне, племенами, например, с фракийцами.

В противовес теории Шахматова, археологические исследования показали, что племена верхнего Поднепровья, верхней Оки и верхней Волги были предками славян, а не летто-литовцев и финнов. Культура этих племен имела ряд отличий от культуры племен среднего Поднепровья. Ссылаясь на Марра, сказал П. Н. Третьяков, я считал, что это были северные сарматы, которые лишь впоследствии стали славянами. Эти племена, ошибочно названные М. И. Артамоновым славянами второго сорта, очевидно, стали славянами в начале первого тысячелетия в результате воздействия собственно славян.

Б. А. Рыбаков в докладе «Вопросы археологии древней Руси в свете трудов товарища Сталина» отметил необходимость решительной критики ошибочных положений Марра и его последователей. Б. А. Рыбаков решительно осудил выступления А. П. Окладникова, А. Н. Бернштама и др. на Ученом совете ЛОИИМК.

В области археологии древней Руси все, что сделал Марр, можно определить тем названием, которое он сам дал одной из своих статей — «Бабушкины сказки о свинье Красное Солнышко». Высказывания Марра о древней Руси представляют собой совершенно сумбурное нагромождение антинаучных и необоснованных положений, сделанных, кроме того, без элементарного знания русского языка. На ряде ярких и убедительных примеров докладчик доказал полную бесплодность и антинаучность высказываний Марра. Русский народ Марр называл непомнящим родства, славян считал рабами, а Русь — конгломератом, составленным из каких угодно кусков. Детально разобрав работу Марра — книжную легенду о построении Куары в Армении и Киева на Руси, Б. А. Рыбаков показал, что эта работа, которую Марр считал красульным камнем своих высказываний о древней Руси, только запутала вопрос о происхождении Руси.

Докладчик резко критиковал фантастические, ничем необоснованные построения под влиянием Марра в работах С. В. Юшкова, А. И. Яковлева и в ряде случаев в серьезных и положительных в целом трудах В. В. Мавродина, вулгаризаторские марровские построения в работах Н. С. Державина, Л. А. Мацулевича и др. Марр, как и Покровский, был только вулгаризатором марксизма и не принес никакой пользы в изучении древней Руси. Необходимо продолжать работу по очищению нашей науки от вредных влияний марровских положений. Наряду с сокрушительной критикой «теории» Марра товарищ Сталин показал нам дальнейшие пути исследования, показал, что мы должны изучать язык в неразрывной связи с историей, и специально остановился на целом ряде вопросов, связанных с историей славянства и древней Руси. Сталинские слова обязывают нас к тщательному изучению славянского единства.

До последнего времени только работы А. В. Арциховского были посвящены выяснению родства славянских народов по археологическим материалам.

Огромное значение имеют для нас слова товарища Сталина относительно скрепления языков, где в качестве примера приводится русский язык. Эти слова обязывают нас, в частности, изучить проблему древних руссов, для чего большое значение имеет исследование комплексов с пальчатыми фибулами, пограничных с лесостепной полосой. Необходимо продолжить большую источниковедческую работу, которой пренебрегали вульгаризаторы Марр и Покровский, а также наладить содружество археологов с лингвистами и этнографами. Для успешного продвижения вперед должна быть создана не парадная юбилейная историография, а историография, в которой будет показана история борьбы мнений, наши ошибки и пути их преодоления.

После докладов состоялись прения. Г. Б. Федоров отметил наличие тенденции отомолчать, отказаться от критики и самокритики ошибок, допущенных под влиянием порочной теории Марра, и подчеркнул глубокую ошибочность мнения, что Марр был вульгаризатором якобы лишь в вопросах языкознания, а в области археологии остается великим ученым. Теоретические положения Марра в области археологии заключались в попытке подчинить археологию «новому учению о языке», в перенесении на археологию всех его порочных положений в языкознании. Вместе с тем надо подчеркнуть, что советская археология развивалась и развивается по пути марксизма-ленинизма, а вслед за Марром шла лишь незначительная группа археологов, хотя влияние его ошибочных положений и отразилось в той или иной мере на значительной части археологов. Г. Б. Федоров информировал Ученый совет о ходе заседания Ученого совета ЛОИИМК в ноябре 1950 г., для участия в котором он был командирован вместе с Б. А. Рыбаковым и А. Л. Монгайтом. В ЛОИИМК был заслушан доклад А. П. Окладникова. Несмотря на некоторые положительные стороны, доклад в целом оказался неудовлетворительным. В ЛОИИМК находился центр своеобразного культа Марра, функционировал кабинет Марра, откуда велась пропаганда его вредных идей; ежегодно проходили пленумы памяти Марра, сводившиеся к его безудержному славословию; здесь уже после открытия дискуссии на страницах «Правды» члены Ученого совета выступили с восхвалением всех порочных положений Марра. Обсуждение произведений товарища Сталина по языкознанию в масштабе всего Отделения произошло лишь 22—23 ноября 1950 г. и проведено было на недостаточно высоком идейно-теоретическом уровне.

Доклад А. П. Окладникова был неудовлетворительным по следующим причинам:

- 1) А. П. Окладников должен был четко и ясно осудить «теоретические» положения Марра в археологии. Вместо этого он взял Марра под защиту, объявив его крупным ученым.
- 2) А. П. Окладников должен был развеять созданный в значительной степени им самим миф о якобы огромном положительном значении Марра в отдельных областях советской археологии. Он ограничился критикой взглядов Марра в области этногенеза и восхвалял работу Марра в области археологии Кавказа и т. д.
- 3) Вместо того чтобы констатировать, что Марр и его окружение были создателями и проводниками аракатеевского режима в нашем учреждении, А. П. Окладников назвал Марра положительной фигурой в качестве руководителя.
- 4) А. П. Окладников должен был прямо и честно ответить на критику, которой подвергли его и ЛОИИМК секретарь горкома ВКП(б) т. Козлов, «Ленинградская Правда», Президиум АН СССР и его товарищи по Институту, а также показать пример самокритики. Вместо этого он лишь вскользь упомянул о своих ошибках, обошел молчанием партийную критику и критику Президиума, а на критиковавших его товарищей обрушился с ругательствами.

Ряд выступавших в прениях в ЛОИИМК не только повторили, но и усугубили ошибки А. П. Окладникова. Особенно возмутительно выступление А. Н. Бернштама, который призывал к подпольному сохранению марровского «наследия» с тем, чтобы, дождавшись благоприятной конъюнктуры, снова пустить его в ход, когда «издательства придут в себя». С необоснованным восхвалением Марра как якобы выдающегося археолога и главы ГАИМК выступили В. И. Равдоникас, К. В. Тревер и др. Совер-

шенно недостаточно была развернута на заседаниях Ученого совета ЛОИИМК и самокритика. Недостатки, имевшие место на заседаниях Ученого совета ЛОИИМК, нашли свое отражение в резолюции. Прибывшие из Москвы Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров, а также ряд ленинградских товарищей: чл.-корр. А. Ю. Якубовский, М. К. Каргер, С. И. Капошина, М. М. Дьяконов, отметили ряд серьезных недостатков в докладе А. П. Окладникова и выступили с интересными конструктивными предложениями. Необходимо выправить недостатки, допущенные на Ученом совете ЛОИИМК, покончить со всякими попытками восхваления Марра как якобы выдающегося археолога, широко развернуть большевистскую критику и самокритику.

Г. Б. Федоров указывает дальше, что наши исследования часто планируются со значительными хронологическими разрывами и для огромных территорий. Для важнейших и имеющих более или менее четко выраженные границы районов необходимо выдвигать межсекторальную тематику. Над разработкой ее должны трудиться специалисты из разных секторов в тесном контакте друг с другом. Создание последовательных древних историй отдельных районов отнюдь не подменяет общих курсов и делает достижения науки доступными для более широкого круга историков и читателей не-специалистов. Следует приветствовать создание такой межсекторальной темы, выдвинутой Т. С. Пассек для Поднепровья.

А. Я. Брюсов подчеркнул, что большинство археологов вовсе не следовали за Марром, но теперь его «ученики» и последователи пытаются, чтобы уйти от критики и самокритики, раствориться в общей массе, говоря, что якобы все и всюду были связаны с ошибочными положениями Марра. Некоторые товарищи, как, например, А. П. Окладников, утверждают теперь, что их работа не имеет никакого отношения к «учению» Марра, что они только приклеивали марровские «шапки». Это, конечно, неверно. Утверждают, что делать вставки со ссылками на Марра заставляли особенно руководящих товарищей. Но встает вопрос: потому ли они делали такие вставки, что были руководящими товарищами или они стали руководящими товарищами оттого, что делали эти вставки? Работы, которые их авторы сами рекламировали и оценивали в печати, как написанные целиком с марровских позиций, так и должны расцениваться, и теперь надо эти работы не механически очищать от упоминания имени Марра, а пересмотреть по существу, исправив имеющиеся в них недостатки. Влияние Марра сказалось, например, во второй части монографии Т. С. Пассек, где она говорит, что, несмотря на изменение всех основных форм в позднетрипольской стадии, она явилась тем не менее продолжением трипольской культуры. Правильно мнение П. Н. Третьякова о том, что трипольцев надо исключить из славянского этногенеза. Однако предками славян являются не племена «шнуровой керамики», как это считает П. Н. Третьяков, а фатьяновидные культуры (культуры шаровидных амфор) — кувявская, среднеднепровская, воыно-мегалитическая и, наконец, фатьяновская, занимавшие те земли, которые потом были заняты славянами до XII в. и которые частично были заняты немцами-колонизаторами Альбрехтом Медведем и Генрихом Львом. В основе славянства лежат фатьяновидные культуры, а племена самой фатьяновской культуры, заброшенные далеко на восток в междуречье Клязьма — Волга, были в конце концов ассимилированы местными племенами. Тем не менее подоснова, повидимому, оставалась; поэтому при дальнейшем продвижении славян они и образовали то, что неудачно было названо славянами второго сорта.

Т. С. Пассек отметила огромное значение гениальных работ товарища Сталина для советской археологии и самокритически рассмотрела свои работы, в которых отразились ошибочные положения Н. Я. Марра, а также подчеркнула необходимость окончательного искоренения влияния порочных теорий Марра в нашей науке. Одной из важнейших задач, сказала Т. С. Пассек, является создание, в свете указаний товарища Сталина, конкретной истории древнейшего населения Поднепровья и Поднепровья и выявление на основе уже созданной археологами периодизации локальных, повидимому, племенных особенностей самобытной трипольской культуры, наиболее развитой в доскифский период в Восточной Европе.

Т. С. Пассек, отвечая П. Н. Третьякову, подчеркнула, что она никогда не писала о трипольцах как о прямых предках славян. Вместе с тем нельзя считать, что культура трипольцев — древнейших земледельцев Поднепровья и Поднестровья — не отразилась на культуре славянских племен. Исключительная плотность трипольского населения, его высокоразвитая местная культура не могли исчезнуть, не оставив следа в позднейших культурах бронзы и предкифской. Поэтому не следует отбрасывать вклад трипольцев в процесс формирования на этой же территории раннеславянской культуры, тем более, что вопрос о взаимоотношениях племен позднего неолита и «шнуровой керамики» значительно сложнее, чем это кажется П. Н. Третьякову и А. Я. Брюсову.

Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии АН СССР) заявил, что он, как многие антропологи, находился под влиянием Марра В 30-х гг. перед антропологами стоял выбор между теорией изначального соответствия рас и языков, с одной стороны, и теорией абсолютного несоответствия между обеими областями знаний — с другой. Марру, несмотря на недоразумения и досаду, которые вызывали некоторые его работы, все прощалось за те несколько фраз, которые действительно помогли нам в значительной мере найти реальную форму соответствия между антропологическими и лингвистическими данными. Это помогло нам найти наше место в общем комплексе наук, занимающихся проблемой этногенеза. Затем Г. Ф. Дебец подверг критике свои работы, написанные под влиянием Марра. В середине 30-х гг. у археологов было широко распространено мнение, совершенно отрицавшее миграции народов и сами народы. По существу была снята с обсуждения самая проблема этногенеза. Тогда начался разрыв между антропологами и руководством ГАИМК. При помощи известных замечаний И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова по конспектам учебников истории археологи справились с абстрактным социологизмом и возобновили содружество с антропологами. Мы, заявил Г. Ф. Дебец, декларативно приписывали Марру все, что связано с разработкой проблемы этногенеза. В действительности же мы опирались отнюдь не на Марра, а на марксизм-ленинизм. Советская концепция этногенеза верна, но нельзя ее механически переносить на глоттогенез. Марр механически переносил наблюдавшиеся им формы сходства культуры на развитие языка в целом. Если верна теория контакта, предложенная Бубрихом, под сильным влиянием «школы» Марра, то непонятно, почему в этом нет заслуги Марра. Если верно, что в основе языковой семьи не лежит никакой праязык, если образование языкового родства является результатом схождения, то непонятно, почему мы за это, в какой-то степени, не должны быть благодарны Марру. Родство языков есть бесспорный факт, и изучение этого родства продуктивно, независимо от того, лежал или не лежал праязык в его основе.

Касаясь влияния Марра на антропологов, Г. Ф. Дебец отметил, что в работе Т. А. Трофимовой о происхождении фатьяновской культуры сближение краниологического типа Балановского могильника с типом населения восточного Средиземноморья неправильно «подкреплено» языковыми параллелями, «установленными» Марром между чувашами и шумерами. Это, конечно, опасный путь, идя по которому мы можем зайти в непролазные дебри. К счастью, антропологи по этому пути далеко не пошли.

В. Д. Блаватский сказал, что появление работ товарища Сталина по языкознанию было настоящим праздником для советских археологов. В дискуссии, которая развивается вокруг исторического выступления И. В. Сталина, видное место должна занять критика так называемого «марровского наследия». Еще до сих пор полностью не преодолено мнение о том, что Марр был великим археологом. Подробно разбирая раскопки Марра в Ани, В. Д. Блаватский убедительно доказал, что эти раскопки и отчеты о них представляют собой детальное описание незначительных фактов, что Марр не сумел обобщить свои наблюдения, понять памятник, который он раскапывал, и не понял даже, что такое культурный слой, далеко отставая в этом отношении от передовых русских археологов конца XIX — начала XX в. Любой студент-археолог 3-го курса мог бы дать много полезных уроков Марру. К счастью, Марр никогда не был основателем и вождем советской археологии, как это пытались пред-

ставить его последователи. Статья Марра о поездке в Средиземноморье показывает небрежное отношение к вещественным памятникам и совершенное незнакомство с ними.

Вопреки марксистской оценке значения античности, Марр пытался ликвидировать антиковедение как конкретную историческую дисциплину и подменить его абстрактной антинаучной стадией, не имеющей ничего общего с реальной действительностью. Эта точка зрения нашла свое крайнее выражение в работе последователя Марра Чепелева, конструировавшего античную стадию на огромном пространстве от Тихого океана до Белого моря, вопреки фактам, вопреки реально существовавшим народам и племенам. Исходя из порочного четырехэлементного анализа, Марр связывал возникновение Ольвии с имевшей якобы место миграцией этрусков, т. е., борясь с реальными миграциями, свободно измышлял фантастические. К сожалению, это положение Марра было принято крупным советским ученым С. А. Жебелевым и археологом С. И. Капишиной, которой предстоит большая работа по освобождению от влияния марризма. Вред марровской «теории» сказался и в этногенетических построениях: фантазия о превращении киммерийцев в скифов, нелепые утверждения о том, например, что Ахилл якобы был русским героем, ходил в стальных доспехах и т. д.

Аракчеевский режим в ГАИМК был не теорией, а реальной практикой. В Ленинградском ГАИМК создавались определенные настроения, в силу которых человек, не думавший по-марровски, объявлялся антима́рксисмом или кем-либо подобным.

Говоря о лингвистах, не следует забывать, что далеко не все они были ара́кчеев-памарристами; были и такие, которые боролись против «учеников» Марра. Попытки археологов, из числа недавних марристов, «помочь» лингвистам производят странное впечатление. В этих попытках просвечивают то контуры марровской пирамиды, то переход одной языковой системы в другую. В качестве примера бесполезности таких гипотез следует указать, что если теорию непрерывности распространить на всю землю, то тогда, значит, первоначально существовала одна языковая система. Между тем в настоящее время языковых систем несколько. Отсюда неизбежно следует марровское положение о переходе одной системы в другую: яфетидов в индоевропейцев.

В. Д. Блаватский не согласен с мнением Г. Ф. Дебеда о «вкладе» Марра в развитие нашего языкознания. Товарищ Сталин осудил теорию праязыка и указал, что сравнительное языкознание заключает в себе ряд положительных моментов, что оно может быть использовано.

А. П. Окладников, отметив, что он испытал на себе растлевающее влияние порочных концепций Марра, подверг критике свою апологетическую книжку о Марре и призвал правильной партийную критику его доклада на Ученом совете ЛОИИМК и работы Ученого совета ЛОИИМК, сделанную Г. Б. Федоровым. А. П. Окладников просил присутствующих поверить его искреннему отказу от порочных положений своей книжки о Марре и искреннему признанию своих ошибок. Он отметил также, что в его докладе в Ленинграде недостаточно были развернуты конкретные положительные стороны, так что и с этой стороны доклад был неудовлетворительным. Но и доклады на настоящем Ученом совете также недостаточно осветили конструктивные моменты.

А. П. Окладников подверг критике свои марристские построения о якобы конкретно-образном дологическом мышлении первобытного человека и абстрактном мышлении современного человека. «Что же касается моих работ о происхождении бурят-монголов, о якутах, о сибирском неолите,— заявил А. П. Окладников,— то, несмотря на имеющиеся в них цитаты из Марра, я шел в них против марровских концепций». В свое время выступление Марра против вещеведения увлекло молодых исследователей, и, не имея возрастного иммунитета, они подпали под его влияние. Это вредное влияние концепций Марра было снято только товарищем Сталиным. Необходимо отказаться от укоренившихся в нашей науке под влиянием Марра непра-

вильных традиций, например, от представления о двух независимых центрах славянского этногенеза, свойственного П. Н. Третьякову, от представления о двух самостоятельных и независимых монгольских центрах и т. д. Исходя из указаний товарища Сталина об устойчивости языка, следует признать, что, например, буряты с их языковыми формами (монгольскими) не могли возникнуть на берегах Байкала. а пришли откуда-то из района рек Амура и Олона. В заключение А. П. Окладников еще раз признал свои ошибки и ошибки Ученого совета ЛОИИМК и выразил глубокую благодарность товарищу Сталину за раскрытие перед советскими учеными правильной дороги.

М. М. Дьяконов (ЛОИИМК) признал совершенно правильной критику Ученого совета ЛОИИМК и призвал к дружной работе всего Института по осуществлению указаний товарища Сталина. Необходимо решительно изжить ошибки, связанные с влиянием концепций Марра, в особенности ошибки неосознанные, и провести творческую разработку больших проблем и вопросов, стоящих перед нами. В докладах нужно больше внимания уделять постановке новых проблем; одной из них является создание подлинной истории народов Средней Азии и отнесение археологических памятников к конкретным народам. Язык, как известно, — один из важнейших признаков этногенеза. Необходимо поэтому установить тесный контакт между лингвистами и археологами. Изучая вопросы этногенеза, нужно двигаться вглубь от времени, хорошо освещенного языковыми памятниками. Основу современных иранских языков Средней Азии следует искать в глубокой древности еще до эпохи рабства. Иранское единство распространялось на территорию Восточного Хорасана и Северного Афганистана, примыкая, таким образом, к территории нашего Таджикистана и захватывая в значительной мере правобережье Аму-Дарьи. Придется отказаться от гипотезы, которую, к сожалению, проповедают некоторые лингвисты, что якобы таджикский язык в Средней Азии есть явление позднее, что он принесен с запада арабами-завоевателями. Касаясь вопросов автохтонности и передвижений племен, следует отметить, что где-то на рубеже второго и первого тысячелетия до нашей эры происходит расселение пастушеских иранских племен на территории собственно Ирана.

А. И. Тереножкин (Киев, Институт археологии АН УССР) отметил, что влияние Марра и его последователей нанесло огромный вред археологии. Показателем этого служит порочность важнейшей работы — первых двух томов «Истории СССР». Большой интерес представляет вопрос о месте скифов в славянском этногенезе. В разрешении этого вопроса наметилось два пути. П. Н. Третьяков, совершенно отрицая единство Скифии, представление о котором было, по его мнению, навязано марризмом, считает кочевые племена иранскими, а оседлые — протославянскими. Между тем нельзя просто декларативно отказаться от мысли о единстве Скифии: ведь о нем еще говорил Геродот. Среди оседлых племен Скифии могли быть и фракийцы, а не только протославяне. Необходимо выяснить, была ли Скифия местом, где действительно жили древние славяне, или племена, ее населявшие, были ассимилированы славянами.

М. К. Каргер (ЛОИИМК) заявил, что основным сейчас является не критика Марра и его последователей, а создание новых конструктивных положений, поэтому его не совсем удовлетворили доклады, в которых этих предложений было недостаточно и слишком много было критики. Следует признать правильной ту критику заседания Ученого совета ЛОИИМК, доклада Окладникова и выступления Бернштама, которая была дана в выступлении Федорова. Однако в ЛОИИМК сразу же после опубликования статей товарища Сталина было проведено их обсуждение на партийном собрании. На Ученом совете ЛОИИМК недостаточно самокритично выступили Пиотровский, Артамонов, Миханкова, Окладников и другие. Окладников сам был далек от марризма. Опубликование им апологетической книжки о Марре можно объяснить точкой зрения некоторых лиц, среди которых он работал долгое время. ЛОИИМК не выпустил ни одного издания книги Миханковой, ее опубликовали помимо ЛОИИМК. ЛОИИМК книгу Миханковой никогда не обсуж-

дал. Марристские ошибки были и у московских товарищей — у Киселева, Пассек и др. «Я сам,— заявил М. К. Каргер,— хоть и не испытал на себе влияния Марра, но не выступал открыто против него».

• Б. Н. Г р а к о в указал на ошибочность утверждения о том, что отказ от Марра может восприниматься, как возвращение к теории праязыка и прародины. Теория праязыка мертва, но это не исключает возможности происхождения родственных языков из одного источника. Крупнейшие лингвисты — Аванесов и Виноградов правильно пишут о происхождении основной массы славянских языков от одного языка-основы. Неверна точка зрения Брюсова, что якобы по современным романским языкам мы могли бы восстановить латынь. Мы бы не могли ее восстановить, если бы не было непрерывного ряда от доисторической латыни до современных романских языков. Латынь — язык, давший целый ряд ответвлений — современных романских языков. Латинский язык существовал еще в первобытную эпоху. Это пример далеко уходящего в древность языка-основы. Греческий язык показывает нам, как из множества диалектов возникает один язык, а из него — новогреческие диалекты. И латинский, и греческий языки блестяще подтверждают мысль товарища Сталина о том, что современные языки рождаются еще до эпохи рабства. Всякие попытки показать какую-то особую роль скрещения, контакта и т. д. в первобытно-общинном строе есть попытка снова, может быть, бессознательно, протащить марровскую теорию скрещения.

Т. Г о д о л о ш в и л и (преподаватель, языковед) подчеркнул необходимость тесной связи между лингвистами и историками. Марризм запутал языковедение, как запутала его и старая буржуазная наука, так как она признавала в развитии языка только путь дифференциации, в то время как действительное развитие шло не только путем дифференциации, а в основном по линии интеграции. Отсюда сталинская теория языкового развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей, от языков народностей к языкам национальностей и дальше к межнациональным, зональным языкам и к мировому языку. Ведущей закономерностью в развитии языка является интеграция, а не дифференциация, несмотря на то, что языковое развитие идет и по линии интеграции и по линии дифференциации. Развитие языка идет по восходящей линии, по которой движется само человечество. Товарищ Сталин, говоря о сравнительно-историческом методе, вовсе не имел в виду сравнительный метод, обусловленный теорией праязыка, а марксистский метод, обусловленный марксистской теорией развития языков. У нас, в Советском Союзе, происходит не расхождение, а схождение языков, мы идет по пути к зональному языку, так как народы Советского Союза представляют собой единое целое. В советском обществе иные законы развития языка, чем в капиталистическом. Сравнительный метод, если он исходит из неверной теории праязыка, опирается исключительно на принцип дифференциации. Сравнительный метод, если он исходит из сталинской теории, при изучении языков советских наций будет опираться исключительно на принцип интеграции. Теория праязыка не имеет ничего общего с марксизмом.

Е. И. К р у п н о в подчеркнул необходимость использования лингвистического материала в исторических работах и отметил недостаточное внимание, которое уделяется лингвистами истории языка. Особенно большое значение имеет древняя история языка в свете указаний товарища Сталина о древности современных языков. Рассматривая родственные кабардинский и черкесский языки, лингвисты выяснили, что в них до сих пор сохраняется до 400 корневых односложных слов, сложившихся, очевидно, в глубокой древности и послуживших базой для создания всего богатого словарного фонда адыго-черкесских языков. В состав этого словаря не случайно входят все числительные до десяти и сто, все личные местоимения, все односложные слова-корни, характеризующие примитивное земледелие, скотоводство, домашнее производство, названия членов и органов человека и животного и, наконец, характеризующие семейно-родственные отношения. Анализ их приводит к выводу, что они появились в очень древние времена, предшествующие употреблению металлов. Время

появления этих слов может быть документировано культурно-археологическими комплексами, которые устанавливают также единство культур всего северо-западного Кавказа с майкопской культурой.

А. Л. Монгайт посвятил свое выступление необходимости борьбы на два фронта: против марристских извращений и против попыток возврата к старой буржуазной науке. Антимиграционизм, автохтонность являются достижениями советской науки. Марр и его «ученики» лишь довели их до гипертрофированного абсурда и приписали себе. Марр не имеет никакого отношения к достижениям нашей науки, которая развивалась в основном по правильной ноге. Сейчас делаются попытки, например в работах немецкого проф. Бена, вернуться к старым индоевропейским построениям Косина, к полному миграционизму.

Выступивший в порядке прений А. Д. Удальцов дал критику своих старых работ. Доклад 1942 г., изданный в 1944 г. под названием «Теоретические основы этногенетических исследований», опирается на работу товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Однако в этой работе была ошибочная попытка совместить несовместимое: учение товарища Сталина с марризмом. Ошибочным было предположение, что критические периоды, отмечаемые в развитии материальной культуры, являются также вехами и в развитии языка. Ошибочным было частичное признание стадиальности в развитии до-индоевропейских народов, которые были отнюдь не абстрактными яфетидами, а конкретными племенами, отличавшимися очевидными этническими признаками. Переоценивалась в этой работе и интеграция. «Правда, — сказал А. Д. Удальцов, — я считал, что конкретный исторический процесс складывается из применения этих двух элементов: интеграции и дифференциации; делая попытку как бы очистить „учение“ Марра от крайностей, я шел на компромисс вместо решительной критики этого „учения“». А. Д. Удальцову неправильно приписывается применение палеонтологического анализа, которого он не признавал и критиковал, например, в рецензии на труд акад. Державина, выведившего русский парод из фантастических этрусков, а также в ряде отзывов на другие работы. Равным образом, он никогда не думал и не говорил о классовости языка.

А. Д. Удальцов отметил, что и в его статье 1949 г. «Проблема происхождения славян в свете современной археологии» осталось еще некоторое влияние Марра. В этой статье правильно высказывается мысль об автохтонности славянства, об образовании славян на значительной территории между Одером и Днпром, что подтверждается фактами, а отнюдь не марровскими фантазиями. Эта точка зрения противопоставляется позиции польских ученых, утверждающих, что все славяне якобы произошли от племен лужицкой культуры, живших между Одером и Вислой. Но вредное влияние Марра сказалось в том, что смешивались эволюция языка и эволюция культуры, ранняя стадия развития индоевропейцев ошибочно называлась яфетической стадией, Марр ошибочно назывался хорошим организатором научной работы и подготовки кадров. Корни этих ошибок заключаются в недостаточном овладении теорией марксизма-ленинизма. В настоящее время А. Д. Удальцов продумывает основные положения по вопросу о происхождении славян в свете произведений товарища Сталина.

В заключительном слове Б. А. Рыбаков подчеркнул необходимость тесного контакта и обмена опытом между археологами и лингвистами. К сожалению, мы до сих пор не получили ответа на очень важный для археологов вопрос, когда же сложилось индоевропейское единство. Большое значение имеет изучение топонимии. Названия: Вегела, Вязьма, Клязьма, Москва и т. д. относятся к области чудской топонимии, охватывающей всю лесную часть Восточной Европы и совпадающей с археологической областью ямочно-гребенчатой керамики. При сопоставлении археологической карты с топонимической получается разительное совпадение во всех деталях. И топонимика, и элементы ямочно-гребенчатой керамики доходят до Чернигова и до правобережья Вислы. Возможно, что эта топонимика восходит еще к неолиту. Это одна из проблем, которую совместно должны решить археологи и лингвисты. Переходя к ответу на выступления в прениях, Б. А. Рыбаков выразил сожаление

в связи с тем, что гг. Окладников, Каргер и Дьяконов, высказав то, что они хотели сказать, и не пожелав получить ответа, уехали в Ленинград.

На упрек М. К. Каргера в том, что доклад посвящен в основном критике Марра, а не конструктивным предложениям, следует ответить, что недавно в обширном докладе, сделанном Б. А. Рыбаковым в Москве, а затем в Ленинграде, он подробно информировал о тех проблемах, над которыми работает в настоящее время: о проблеме антов и полей погребения, о руссах по археологическим данным и письменным чужеземным источникам и о салтовцах, предполагая, что, может быть, существовала какая-то политическая конфедерация, которая объединяла салтовцев с ядром Киевской Руси и т. д.

Б. А. Рыбаков подробно обосновал свою методику, в частности ретроспективный метод, при разрешении проблем славянского этногенеза, использование этнографических данных и т. д. Одной из важнейших задач, встающих в связи с указанием товарища Сталина, притом задачей, которая может быть разрешена в значительной степени именно ретроспективным методом, является археологическое изучение области полтавско-киевского и орловско-курского диалектов. На территории, связанной с руссами, имеется археологическая культура, условно называемая «культурой пальчатых фибул». Ее нужно связывать именно с руссами, т. е. с юго-восточными племенами, к которым относятся уличи, поляне и северяне. Внутри этой области уже в V—VI вв. возможно существование двух районов, из которых Киевский, а в широком смысле и Полтавский, связываются с полянами, а другой, восточный район (юга Курской области) связывается с северянами по спиральным височным кольцам и украшениям VI и начала VII вв. Необходимо изучить эту проблему в свете указаний товарища Сталина и выяснить вопрос о северных славянах (которых М. И. Артамонов так неудачно назвал славянами второго сорта) и вообще вопрос о славянах и руссах на севере, а также изучить закономерности перехода от языков племенных к языкам народностей, причем для Руси в этом большую роль следует отвести государственности. Большое значение имеет создание периодизации истории славян с I до XIV столетия.

Что же касается выступления М. К. Каргера, то он выступил здесь как адвокат А. П. Окладникова и других членов Ученого совета ЛОИИМК, допустивших грубые ошибки. Этого не нужно было делать. Наша главная задача состоит в том, чтобы окончательно покончить с марризмом, с культом Марра, в какой бы форме он ни проявлялся.

Б. А. Рыбаков призывает, что, никогда, ни в одной из своих работ не принимая марровских идей, он все же в лекциях не выступал против культа Марра и даже движение от множественности к единству связывал с именем Марра, хотя по существу это Марру и не принадлежит.

«Мой доклад, — сказал Б. А. Рыбаков, — в котором я показал, что Марр ничего не сделал для изучения Киевской Руси, является необходимым. Неверно утверждает М. К. Каргер, что якобы нечего критиковать Марра и марровские ошибки. В выступлении Каргера особенно недопустимо, что он взял под защиту беспринципное высказывание Бернштама. После выступления Бернштама на Ученом совете ЛОИИМК высказывались М. И. Артамонов, К. В. Тревер, М. М. Дьяконов, и никто из них не осудил Бернштама. Это было сделано лишь после того, как нам пришлось выступить. Критика Марра и марристских ошибок отнюдь не обращена к прошлому, она обращена к сегодняшнему дню, а в завтрашний день мы должны вступить полностью освобожденными от влияния Марра, наметив широкую перестройку работы в содружестве различных наук по тому пути, который указан нам гениальным Сталиным».

В заключительном слове П. Н. Третьяков отметил, что лингвисты должны не только развернуть критику Марра, но и широко разрабатывать проблемы советской лингвистики в свете трудов товарища Сталина. От лингвистов необходимо получить ответ на целый ряд вопросов, например, о том, прав ли был Шахматов. Археологические материалы показывают, что он был не прав потому, что родину сла-

вянского языка видел между Вислой и Неманом, где жили очень отсталые племена, которые никак не могли навязать свой язык передовым племенам, жившим на огромной территории от Днестра до Днепра.

Ученый совет ЛОИИМК, посвященный обсуждению работ товарища Сталина, прошел исключительно плохо. Вызывает удивление положительная оценка доклада Окладникова, данная А. Д. Удальцовым в Ленинграде. Основное разногласие с Б. Н. Граковым заключается в том, имелись ли особенности этногенетического процесса (процесса скрещения) при первобытно-общинном строе? Ассимиляция отнюдь необязательно является результатом скрещения. Реальная основа ассимиляции определена товарищем Сталиным — это порабощение одних племен другими. В первой половине первобытно-общинного строя, в каменном веке, еще не было порабощения одних народов другими и не было прибавочного продукта. Скрещение шло тогда не путем ассимиляции, а путем контакта. С. П. Толстов показал это на этнографическом материале Австралии, Океании и Экваториальной Африки. То же прослеживается и на территории СССР, например, по ительменским языкам. Необходимо знать, как шло скрещение в различные эпохи первобытно-общинного строя, так как именно тогда, еще до эпохи рабства, были заложены элементы современных языков, и очень важно установить, как и когда это произошло. П. Н. Третьяков полагает, что элементы современных языков закладывались в течение длительного времени в эпоху позднего неолита и бронзы, и процесс этот протекал у достаточно крупной группы племен, может быть, размера ирокезской конфедерации, а может быть и еще больше, но не у родовой маленькой группы.

Докладчик хотел бы сказать несколько слов в ответ А. П. Окладникову относительно северо-восточных славянских племен, но ввиду его отъезда ограничивается только определением выступления А. П. Окладникова по этому поводу как безответственного и легкомысленного, так как тот никогда славянскими материалами не занимался и не знаком с ними.

В заключительном слове С. В. Киселев отметил огромное значение работ товарища Сталина как в области обобщения марксистской теории языкознания, так и в критике Марра, влияние порочных идей которого вышло даже за пределы нашей Родины и нашло отражение в Венгрии, Китае и других странах. И в связи с этим неправомерно утверждения некоторых товарищей, что нечего уже заниматься критикой Марра и его последователей. В нашем Институте действовали марристы, и дирекция своим отношением к Ленинградскому отделению не препятствовала развитию марровских взглядов. М. К. Каргер, заявивший, что ЛОИИМК не имел никакого отношения к книге Миханковой, не прав. В предисловии к 3-му изданию сказано: «После выхода книги (2-го изд.— Г. Ф.) и обсуждения ее на Ученом совете ЛОИИМК АН СССР были высказаны пожелания о более обстоятельном и даже исчерпывающем изложении в новом издании ряда лингвистических положений Н. Я. Марра — о лингвистических элементах, о палеонтологии речи, о стадиальности и т. д.»¹.

Не прав М. К. Каргер, говоря о том, что якобы уже давно, сразу же после выхода в свет работ товарища Сталина, началось широкое обсуждение их в Отделении и критика Марра. В представленном годовом отчете ЛОИИМК имеется список всех заседаний, и там нет ни одного заседания, посвященного этому вопросу, кроме заседания Ученого совета от 24 мая 1950 г., посвященного защите марризма. Необходимо окончательно разоблачить миф о Марре, как о якобы выдающемся археологе.

А. П. Окладников выступал на нашем Ученом совете самокритично; однако, указывая причины, по которым некоторые археологи шли за Марром, говорил, что это произошло якобы потому, что Марр «поднимал нас до изучения материальной культуры, до изучения вещи как исторического источника вместо любованья вещью». Это неверно. Марр обвинял археологов в том, что они «любуются вещью, но привисывать всю борьбу с этим одному Марру может только Иван, не помнящий родства.

¹ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр, изд. 3-е, М.—Л., 1949, стр. 9.

Лучшие традиции русской археологии и ее лучшие представители, дожившие почти до наших дней, как Городцов, Спицын и другие, всегда обращали внимание на корни, на то, что называется историей материальной культуры.

Каргер правильно выступал в Ленинграде, но здесь взял на себя роль адвоката марристов, и, несомненно, в этом он не найдет поддержки основной части ленинградского коллектива. Защищая Бернштама и пытаясь представить его выступление как случайную ошибку, как политическую бестактность, Каргер пошел вслед за Бернштамом, призвав его марристские высказывания лишь тактически неправильными, в то время как они по существу вредны. Напрасно бралась здесь под защиту В. А. Миханкова, которая была всемогущей при Марре. В. А. Миханкова до последнего времени была последовательным пропагандистом вредных марровских идей, а при жизни Марра поддерживала аракеевский режим.

Надо, чтобы лингвисты решали исторические проблемы, для чего у них есть такая основа, как работы товарища Сталина. У нас нет никаких оснований говорить, что отказ от Марра означает поворот к буржуазной науке. Необходимо вести постоянную борьбу и против марристских влияний, и против буржуазной науки, идя вперед согласно указаниям товарища Сталина.

С. В. Киселев указывает на то, что в конструктивной части своего доклада он не рисовал эскиза своих будущих работ, как П. Н. Третьяков, а старался обрисовать задачи, стоящие сейчас перед большим коллективом археологов-первобытников в свете работ товарища Сталина. Нам необходимо научиться определять отдельные племена и исследовать их древнюю историю, чем мы поможем нашим товарищам пойти реальную глубокую основу этногенеза народов СССР. Необходимо, продолжая критику марризма, совместными усилиями археологов, историков, антропологов и этнографов идти вперед по пути творческого марксизма, который указал нам величайший ученый — И. В. Сталин.

Закрывая заседание Ученого совета, А. Д. Удалцов подвел итоги дискуссии. Он отметил, что выступления А. П. Окладникова и М. К. Каргера являются неудовлетворительными, так как они были попытками увести в сторону от правильных решений. Окладников, признав недостатки своего выступления на Ученом совете ЛОИИМК, ничего не дал взамен и, все время убеждая нас в своей искренности и честности, ссылался как на причину своего увлечения Марром на свою молодость, на заевшую его среду, на влияние В. А. Миханковой и т. д. Он не понял действительных причин распространения вульгаризаторских идей Марра, не поняв, что в основе этого лежит недостаточное овладение марксизмом-ленинизмом.

М. К. Каргер выступил с адвокатской речью, пытаясь доказать, что в ЛОИИМК все обстояло благополучно, и в то же время соглашался с т. Федоровым, который доказал как раз обратное. Каргер выступил фактически в защиту возмутительного заявления Бернштама. Говоря о том, что лишь несколько выступлений в Ленинграде были неудовлетворительными, М. К. Каргер забыл, что это были выступления ведущих работников ЛОИИМК. За неблагополучное положение в ЛОИИМК несет ответственность прежде всего дирекция Института, которая не установила над ним действенного контроля. Мы неоднократно обсуждали неудовлетворительное положение в ЛОИИМК, но до последнего времени не предпринимали решительных шагов для его исправления. Необходимо установить полное единство в работе Института и обеспечить постоянный, действенный контроль над Ленинградским отделением.

Касаясь отдельных выступлений, следует отметить, что т. Дебеч слишком большое внимание уделял не столько критике Марра, сколько выяснению того, что у него было положительного, что, конечно, не верно.

П. Н. Третьяков в вопросе о происхождении славян выступил с другой точкой зрения, чем та, которую он недавно опубликовал в «Вопросах истории» и, в частности, без доказательств отвергал значение трипольской культуры в генезисе славян, заявляя, что предками славян являются племена «шнуровой керамики». Племена «шнуровой керамики» — понятие очень обширное, и нельзя считать все эти племена предками славян.

В заключение А. Д. Удальцов отметил плодотворность дискуссии и указал на основные задачи, которые стоят перед Институтом в связи с изучением гениальных работ товарища Сталина.

Ученый совет ИИМК единогласно принял резолюцию, в которой отмечается исключительное значение работ товарища Сталина по языкознанию, которые открыли перед советскими учеными новые перспективы плодотворного научного исследования и разоблачили антинаучный характер так называемого «нового учения о языке»¹. В резолюции указывается, что «теоретические» положения Марра в области археологии заключались в попытке подчинить археологию так называемому «новому учению о языке», в попытке перенести на нее все ошибочные положения Марра в языкознании. Административная деятельность Марра привела к созданию аракчеевского режима, а его работа в качестве полевого исследователя стояла значительно ниже работ большинства современных ему русских археологов.

Несмотря на крикливую пропаганду положений Марра его апологетами и несмотря на их стремление приписать Марру все достижения советской археологии, в действительности советская археология развивалась по марксистско-ленинскому пути и внесла значительный вклад в изучение истории народов СССР.

В резолюции отмечается, что заседание Ученого совета ЛОИИМК, посвященное обсуждению работ товарища Сталина по языкознанию, было проведено на низком идейно-теоретическом уровне без решительного осуждения «деятельности» Марра в археологии, без развернутой критики и самокритики. Искусственное насаждение культа Марра и пропаганда его вредных идей в ЛОИИМК облегчались недостаточной централизацией руководства институтом, а также тем, что дирекция не принимала должных мер для устранения этих недостатков.

В резолюции сформулированы основные задачи советских археологов в разработке проблем первобытной археологии, происхождения народов и археологии древней Руси. Ученый совет ИИМК призвал советских археологов к дружной совместной работе по окончательному изжитию влияния положений Марра, к углубленному изучению марксизма-ленинизма и к разрешению проблем советской археологии, следуя по пути, начертанному в гениальных работах товарища Сталина.

Г. Б. Федоров